

ВИТАЛИЙ
РОМАНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РАЗУМ ЧУДОВИЩА

Виталий Романов
Разум чудовища

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175731

Разум чудовища: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-22516-3

Аннотация

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виталий Романов

Разум чудовища

Часть первая

Звезда на ладони

Сигнал коммуникатора прозвучал резко, в тишине показался очень громким, и потому Самуэль Лючидо вздрогнул. Он не спал. Лежал на спине, уставясь в потолок. Член совета директоров корпорации «Измерение „Сигма“» отлично знал, что так просто уснуть ему не дадут. Сначала на город опустится ночь, и безмолвие потихоньку овладеет домом. Потом он будет долго-долго лежать, разглядывая причудливые тени над собой, вытирая пот со лба в ожидании „весточки“ от ночных гостей. А потом, когда провалится в беспокойную полудрему, по глупости поверив, что сегодня его оставили в покое, – позвонят *они*...

Рядом тихонько всхлипнула жена, но Самуэль не пошевелился, не сделал попытки успокоить Вивьену. Коммуникатор продолжал тревожить ночь длинными мелодичными сигналами.

«И нет никаких шансов, что о нас забудут, – апатично подумал Лючидо. – Все будет повторяться изо дня в день. Точ-

нее, из ночи в ночь. Еще двое суток. А потом...»

Потом? Самуэль вздрогнул. Медленно, тяжело приподнялся. Сел на кровати, спустил ноги вниз. Влажная от пота рука дотянулась до трубки.

– Алло.

Только смех на другом конце телефонной линии. «Весело. Им весело», – у Лючидо не было сил, чтоб испытать приступ раздражения, злости. Это с теми, первыми, он мог спорить, препираться, даже пытался шутить в ответ на требования вернуть деньги. Да, с теми. Первыми. Которым задолжала Вивьена.

Самуэль невольно обернулся, чтобы взглянуть на супругу. Она, конечно, не спала. Теперь, когда загорелась информ-панель коммуникатора, отблески света падали на знакомые предметы в комнате, придавая им какие-то новые формы. Чужие, странные вещи окружали Самуэля. Неведомое отражение реальности...

Светлые волосы женщины разметались по подушке. Вивьена лежала, съежившись в комочек, и только блестящие глаза часто-часто моргали.

– Алло, – монотонно повторил Самуэль. – Я слушаю.

– Вы слишком крепко спите, мистер Лючидо, – донесся откуда-то из преисподней веселый голос. – Мне казалось, в вашем положении человек должен хватать трубку после первого же сигнала.

Голос из преисподней... Нет, не из преисподней. Тому,

кто находится на другом конце телефонной линии, сейчас хорошо и спокойно. Он, вероятно, сидит в кресле, курит сигару или пьет коньяк. Он спокоен, потому что уверен в себе. Знает: Самуэлю некуда деться. Долги в казино, которые сделала Вивьена Лючидо, были всего лишь игровыми долгами еще несколько дней назад. Тогда Самуэль, член совета директоров корпорации «Измерение „Сигма“, мог спорить с неведомыми абонентами, просить отсрочки. Ибо такой огромной суммы не было даже у него... Господи! Чтоб расплатиться в установленные сроки, потребовалось бы по заниженным ценам продать все – дом, финансовые активы, драгоценности. А если за нормальные деньги, то на реализацию ушло бы непозволительно много времени. Чертова рулетка!

Самуэль ничего не ответил собеседнику. Просто молча ждал. Время разговоров для него прошло. Теперь, когда владелец игорного клуба – в силу каких-то причин – переуступил долг злейшему конкуренту «Сигмы», и кредиторы оставили на размышление всего несколько дней, ловушка захлопнулась.

Эх, если б Вивьена не испугалась той ночью! Впрочем, кто бы не испугался на ее месте?! Безумный долг, кабинет управляющего игорным клубом, улыбающиеся громилы. И коммуникатор тут же отобрали, чтоб не смогла позвать на помощь... Если бы Вивьена не «сломалась», не согласилась поставить подпись на документе...

Впрочем, возможно, ее бы уже не было в живых.

– Алло, мистер Лючидо! – позвал собеседник.

Самуэль вдруг представил, как тот чуть отодвигает трубку ото рта, чтобы поднести к губам бокал и сделать глоток.

– Мистер Лючидо... Что-то вы очень неразговорчивы сегодня. Никак, проблемы с желудком?

– Не смешно, – не выдержав, буркнул Самуэль.

– А я и не собираюсь корчить из себя клоуна! – голос собеседника резко изменился, стал холодным, безжалостным. – Я звоню не для того, чтоб рассказать вам свежий анекдот. Напоминаю, осталось двое суток до истечения срока. Вы раздобыли деньги?

– Нет, – помедлив, едва слышно выдохнул Самуэль.

И снова смех на другом конце линии. *«Нет, преисподняя не там. Ад будет здесь. Через двое суток...»*

– Я так и думал, – Лючидо почувствовал, как собеседник удовлетворенно кивает головой.

– Быстро реализовать активы невозможно, – пробормотал Самуэль. – Только со значительными потерями. Я бы все-таки хотел попросить отсрочки...

– Милейший, осталось менее двух суток! – собеседник был безжалостен. – Либо мы получим деньги, либо документы. Повторю еще раз: документы интересуют нас значительно больше. Вы бы прекратили ломаться и сделали то, что сказано! Все равно не успеете подготовить нужную сумму.

– Но...

В трубке зазвучали короткие гудки. Самуэль зачем-то посмотрел на коммуникатор, медленно положил трубку на аппарат. Машинально вытер потные ладони о простыню. Замер, тупо глядя перед собой. Думать и анализировать не хотелось. Он провел несколько дней в поисках наилучшего решения, которого не было.

Бессилие. Самуэля охватила апатия. Казалось, на него накатывается огромная машина, и бороться уже невозможно. Да, он мог что-то предпринимать, пока против него «играл» владелец развлекательного клуба... Тогда еще можно было обратиться к президенту «Сигмы», Энди Хортону. Опять взять в долг, попросить защиты. Пообещать боссу, что будет внимательнее следить за супругой. Не даст ей возможности ходить в клубы и казино, делая ставки на деньги, которых у Вивьены при себе нет.

Супруга еще раз всхлипнула, тихонько пошевелилась. Самуэль продолжал неподвижно сидеть на краю постели, глядя в черноту. *«Может, все-таки сказать Энди Хортону?»*

– Самуэль, – прошептала Вивьена, подползая чуть поближе. – Самуэль, сколько они нам дали?

– Два дня, – коротко ответил Лючидо.

Голос был чужим – сухим, деревянным.

– Может, продадим все, как требуют эти люди? – всхлипнула женщина. – Ценные бумаги, золото...

– И дом, – тускло ответил Самуэль.

– И дом! – Вивьена приподнялась, обхватила мужа за пле-

чи. – И дом! Продадим. Уедем на какой-нибудь остров в Тихом океане, где почти нет людей. Забудем обо всем!

– Ага, – криво усмехнулся Лючидо. – Я буду ловить в море рыбу. В ненастные дни хлестать дешевое пойло, которое гонят из растущих на острове деревьев. Ты – танцевать полуголой для всех желающих, в самом дешевом кабаке. Если там найдется хоть один кабак.

– Самуэль, – всхлипнула Вивьена. – Ну почему так?! Почему так?

– Потому что ты ничего не умеешь делать! – жестко отрезал муж. – Только изображать танцовщицу и проматывать деньги в игорном клубе!

– Я больше не буду, – Вивьена сложила руки на груди, с отчаянием глянула на супруга. – Клянусь, Сэмми, я больше никогда не буду играть!

«Сколько раз я слышал это?! – подумал Лючидо, резко поднимаясь с постели и отворачиваясь. – А потом все началось сначала. Клуб, азарт, адреналин, невозможность контролировать себя... Ведь говорил же врач, что у нее болезнь. Что от этого надо лечиться. А я, дурак, пожалел денег. Не придал значения. Верил ей на слово. Всегда верил...»

– Теперь точно не будешь играть! – со злостью произнес он.

Все-таки то, что жило внутри, сломало запоры, прорвалось наружу.

– Ты точно не будешь играть! Если все обойдется, я тебя

упрячу в такое место, где быстро отучат от этой дури!

Он покинул спальню под рыдания жены. Самуэль впервые сорвался, накричал на Вивьену. Поэтому на душе было гадко. Лючидо не хватило воли. Оставалось менее двух суток до крайнего срока, и Самуэль все яснее понимал, что шанс только один: документы «Сигмы». По «Безупречному». Те самые, которые желают получить конкуренты Энди Хортонa. Если должник сумеет выкачать архивы, о которых шла речь, не придется продавать дом. И ценные бумаги. Надо только подумать, как повернуть операцию чисто...

«Прости, Энди. Мы работали вместе много лет. Черт, я теперь даже не помню, сколько. Ни за что б не продал „Сигму“, если бы... Если бы... Знаешь, иногда приходится выбирать из двух зол. И, когда на кону собственная жизнь, выбор, можно сказать, предопределен...»

Желтые лучи прожекторов казались щупальцами, что-то искавшими в ночной мгле. Пробраться на резервный космодром «Сигмы» оказалось не так сложно, как предполагал чужак, нарушивший границы частного владения. К его удивлению, не было особого ажиотажа и вокруг четвертой стартовой зоны, внутри которой располагался крейсер «Безупречный» – цель его ночной вылазки. Лишь по защитному периметру, суматошно перемигиваясь, пробегали разноцветные огоньки. Изредка до ушей человека, притаившегося в тени, долетали шумы моторов. Чужак лежал за небольшим при-

горком, внимательно прислушиваясь ко всему, что происходило вокруг.

Ему далеко не каждый день приходилось выполнять такую работу. Человек вытер пот со лба, отметил, как дрожат пальцы. Вспомнилось: он сам твердил, что пойдет к загадочному крейсеру. Упрашивал, чтоб разрешили провести исследование именно ему. Это придало решимости. Отступить назад было бы глупо, позорно. Надо успокоиться, пересилить себя...

Выждав немного, человек бесшумно двинулся вперед. Лучи прожекторов казались материальными, осязаемыми. Они не просто слепили. Толкали в грудь, гнали прочь от крейсера, вязали по рукам и ногам липким страхом. За спиной, совсем близко, проехал патрульный джип, подвывая электромотором и отгоняя ночь светом фар. Подвижный прожектор, установленный сверху, на специальной раме, повернулся в сторону четвертого сектора. Луч скользнул по забору, «закопался» в траве, уперся в бугор, за которым притаился чужак. Машина вскоре исчезла где-то вдали.

Человек аккуратно преодолел разделительный барьер, покинул нейтральную зону и оказался на посадочной площадке. В какой-то момент он нерешительно глянул назад, за ограждение. Там в любую минуту мог появиться следующий патруль. Чужак замер на бетонном поле, заколебался. Медленно пополз в сторону исполинского корабля.

«Гость» не заметил металлического штыря, торчавшего

из бетона. Правую руку пронзила острая боль. Пострадавший тихо зашипел, перекатился набок, прижимая окровавленную ладонь к животу. И тут, видимо, не выдержав напряжения, резко вскочил на ноги. Рванулся к черневшему впереди проему шлюза, прямо сквозь плясавшие вокруг шлейфы света. Около самого трапа упал на землю, тяжело дыша. Ничего не изменилось – не прозвучало никаких сигналов тревоги. Все так же равнодушно перемигивались огоньки, теперь уже где-то позади, за спиной. Вдалеке по-прежнему надсадно выли моторы патрульных джипов.

Чужак быстрым движением смахнул пот со лба. Вытянул правую руку, рассматривая ладонь. Не было времени серьезно заниматься ею. Он быстро продезинфицировал рану салфеткой из гермопакета, залепил пластырем, чтобы остановить кровотечение. Поморщившись, несколько раз согнул кисть, проверяя ее работоспособность. Затем взял короткую паузу, чтобы отдышаться. Полежав на бетоне, поднял к лицу левую руку, на запястье которой были надеты большие часы. Повозившись немного, вытянул из их корпуса тонкую длинную антенну. Отрицательно мотнув головой, спрятал телескопический стержень обратно. Он передумал. Лучше не выходить в эфир «голосом». Только короткий кодовый сигнал – «Я на месте». Правая рука скользнула к боковине часов, нащупала почти незаметный выступ, указательный палец вдавил бугорок в корпус. И еще раз.

«Ну вот, – облегченно подумал человек. – Сигнал дан. Те-

перь они будут знать, что я добрался благополучно. Можно и внутрь».

Он приподнялся. Согнувшись, преодолел последние метры на пути к трапу, но в тот момент, когда залепленная пластырем ладонь коснулась поручня, откуда-то сбоку-сзади, резко и бесшумно, вынырнула еще одна тень. Человек? Зверь?! Или показалось?

Чужак дернулся, пытаясь обернуться, чтоб рассмотреть пространство за спиной. Что-то обрушилось на его затылок, и щупальца света взорвались в глазах разноцветными искрами фейерверка.

«Он был первым... Так нужно. Так было нужно, потому что по-другому нельзя. Поначалу мне не хватало решимости сделать шаг. Он умер первым, его было так легко убить. Я не испытывал к нему привязанности...»

Станный настойчивый голос повторил это дважды, прежде чем пробуждавшийся человек смог понять смысл фразы. «Да-да, именно дважды», – окончательно сбросив остатки сна, подумал Джон Хеллард.

Голова раскалывалась от боли. Хеллард тяжело поднялся с кровати. Побрел в ванную комнату, несколько раз плеснул на лицо холодной водой. Подставил затылок под струю. Вытер короткие светлые волосы полотенцем. Пригладил их, изучая собственное отражение в зеркале. После водных процедур стало чуть легче, в серых зрачках даже появилось какое-то

осмысленное выражение.

Хеллард вернулся в комнату, поискал глазами бутылку с любимым «Johnny Walker». Он точно помнил, что вчера оставил ее недопитой. Специально, чтоб наутро было чем привести себя в сознание. «Бросать надо! Четвертый десяток – а все как мальчишка...» Комната плавала перед глазами, стремясь опрокинуться набок. Спасительная емкость обнаружилась на журнальном столике, она призывала Джона срочно покончить со штормом. Сделав пару глотков, мистер Хеллард, эксперт-аналитик корпорации «Измерение „Сигма“, обрел, наконец, бодрость духа и твердый пол под ногами.

Джонни еще раз протер глаза, разгоняя блуждавшие под веками цветные пятна. Новый день настойчиво пробивался сквозь шторы на окнах. Безжалостно напоминал о том, что время, отведенное для отдыха, прошло. Да! Только что Джон Хеллард видел странный сон. Нет! Скорее голос. Как это: видеть голос? Мысли двигались урывками, не в силах образовать законченную картину. Джонни напрягся, вспоминая... Именно! Голос во сне. Так будет правильнее всего...

О ком, черт побери, это было сказано? *«Он был первым... Его было так легко убить... Я не испытывал к нему привязанности...»*

Странный сон. Джонни отдернул легкую цветную штору на окне, впуская раннее утро в маленький служебный кабинет, точнее, номер гостиницы, где эксперт оставался в эту

ночь. Накануне Хеллард не нашел в себе сил, чтобы отправиться домой. Номер был в его распоряжении как раз для таких случаев. Июльское утро выдалось ясным и таким восхитительным, что Хеллард сразу понял – обязательно случится что-то, что испортит настроение.

Это была старая, годами проверенная примета – если день начинался тихо и безоблачно, если мир дышал чистотой и покоем – можно не сомневаться: лично ему, Джону Хелларду, не стоит питать иллюзий. Такие дни всегда заканчиваются чем-то вроде зубной боли.

В этот раз Джонни точно знал, откуда ждать беды. Все угадывалось легко, еще с того самого момента, как дальний разведывательный крейсер «Безупречный» в режиме автопилота совершил посадку на выжженные дочерна плиты резервного космодрома корпорации «Измерение „Сигма“». Хеллард готов был поставить годовую зарплату вместе с премией на то, что ему не удастся вовремя уйти в отпуск.

Достаточно было посмотреть, как мгновенно ожил сонный муравейник. Как все вокруг завертелось, пришло в движение. Как беспомощны были лица, как хаотичны метания людей. словно они не знали главного – того, что уже несколько дней знала вся планета – крейсер, пропавший в пучине дальнего космоса, наконец, дал о себе знать. Он возвращается. Без своей команды, ведомый автопилотом. Точнее, экипаж находился на борту. От этого «экипаж на борту» у Джона непроизвольно вставали дыбом волосы на загривке. Эки-

паж вернулся. В холодильной камере. И не было шансов спасти ни одного из пятерых.

Попасть в центральное административное здание «Сигмы» можно было не только мимо девушки на reception – через главный вход, оборудованный системами видеонаблюдения, внешним постом охраны и прочими «прибамбасами» обычного офисного строения. Самуэль Лючидо – как один из членов совета директоров корпорации, отлично знал, что существуют несколько «пожарных» дверей, на случай экстренной эвакуации служащих. И служебный вход, как раз для тех моментов, когда необходимо проникнуть внутрь здания или скрыться из него тайком от прессы и любопытных глаз.

Чтобы незаметно подобраться к заветной двери, Самуэль оставил спортивный флайер на стоянке, неподалеку от входа на территорию корпорации. Его желтая «букашка» была слишком заметной, Лючидо не хотел рисковать. Тем более что появиться в «Сигме» требовалось гораздо раньше обычного времени. «В крайнем случае, – подумал Лючидо, – если спросят, где мой флайер, почему не перед офисом, скажу: сегодня на такси добирался... Попозже заберу машину. Главное – незаметно скачать базу данных по „Безупречному“, а потом обеспечить себе алиби, как придумал...»

Он отвел на операцию пару часов: и на то, чтобы пешком пройти мимо рабочих цехов, проникнуть в офис со стороны примыкающего к нему парка, и на то, чтобы незаметно

добраться до VIP конференц-зала, где Энди Хортон обычно проводил заседания совета директоров. Конференц-зал располагался на том же этаже, что и кабинет президента, почти рядом. Внутри комнаты, куда стремился попасть Самуэль, находился один из компьютеров, включенных в небольшую приватную сеть. О ее существовании знали лишь некоторые из служащих «Сигмы».

«Вивьена, черт подери! – ругнулся Лючидо, в десятый раз спотыкаясь о выступавшие из почвы корни деревьев. – Все из-за тебя! Даже парковые деревья против. Никто не хочет, чтобы я предал „Сигму“. Если бы существовал другой способ выбраться из ловушки!»

Самуэль присел на корточки, медленно раздвинул кусты. Следовало соблюдать осторожность. Служебный вход не охранялся так, как главный, но переть на рожон не стоило. Лючидо еще раз продумал легенду на случай, если его все-таки засечет кто-то из бдительных охранников: радостная улыбка на лице, дружеское похлопывание подчиненного по плечу, премия за отличную работу. Мгновенный доклад Энди Хортону о том, что он, Самуэль Лючидо, проверил службу контроля главного административного здания корпорации, лично убедился в надежности охраны. «Да, и еще письменная просьба премировать отличившегося бойца... Тьфу! – Самуэль скривился. – Лучше бы они проспали мой визит, и все обошлось без этого маразма».

Выдохнув, он тихо выбрался из кустов и быстрыми шага-

ми пересек открытое пространство до «черного» входа. Тихо щелкнул замок, когда член совета директоров вставил в щель идентификационную карту на имя Лукаша Майера. Лючидо усмехнулся, вспоминая, как месяц или два назад тащил подвыпившего Майера до аэротакси. Тогда из кармана Лукаша неожиданно выпала карта, и Самуэль припрятал ее. На всякий случай. И вот «всякий случай» наступил. У Лукаша Майера, члена совета директоров «Сигмы», теперь была другая карта. С тем же идентификационным ключом, что и старая.

У службы безопасности на сей счет комплексов не возникло. Лайонс Торелли, начальник группы внутреннего контроля, принял от Майера заявление об утрате идентификатора. Довольно быстро Энди Хортон наложил визу: изготовить дубликат. Старейший член совета директоров – вне подозрений. На том об истории позабыли. Все знали: утраченная карта-ключ могла иметь силу лишь в том случае, если владелец регулярно «регистрирует» ее в системе. Без верификации ключ терял смысл.

Никто не предполагал, что карта-идентификатор оказалась в руках Самуэля Лючидо, который время от времени – незаметно – выполнял с чужой картой необходимые действия.

«То-то будет забава, когда группе контроля станет известно: служебный вход открыл Лукаш Майер», – губы Лючидо скривились в улыбке. Майер в последние дни находился на

лечении в больнице. Состояние его здоровья резко ухудшилось после известий о «Безупречном».

Дверь даже не скрипнула, когда Самуэль Лючидо проник внутрь здания. Аккуратно прикрыв створку, он подождал минуту-другую. Надо было потерпеть, пока глаза привыкнут к полумраку «черной» лестницы. Да и просто дать время охране на размышление. Если они намереваются схватить «нарушителя» – пусть делают это сейчас, пока Лючидо не начал подъем наверх. Убедившись, что служба контроля бездействует, Самуэль стал осторожно подниматься по лестнице, с этажа на этаж. Следовало делать это аккуратно, чтобы не наткнуться на уборщиц, которые появлялись в офисном здании гораздо раньше обычных служащих.

Джон Хеллард прошелся по комнате взад-вперед, остановился возле большой фотографии «Безупречного», долго рассматривал ее. Потом закрыл глаза, невольно возвращаясь в предыдущий день. Эксперт отсутствовал на космодроме в тот момент, когда из «холодильника» начали выгружать тела членов тест-экипажа. Не смог бы вынести эту картину – слишком хорошо знал их всех, таких же служащих корпорации, как и сам Хеллард. Еще недавно они – веселые, полные энергии и веры в успех – покидали Землю. Под восторженный рев провожавшей толпы, под «картинку» многочисленных видео– и телекамер, под репортажи самых популярных радиостанций. Теперь журналистов было не меньше. Только

люди, встречавшие звездолет, стояли плотной молчаливой толпой, за кромкой летного поля. Им позволили лишь издали следить, как тела в специальных ящиках начали выносить из корабля.

По долгу службы эксперт-аналитик Джон Хеллард плотно общался со всеми тест-экипажами, «обкатывавшими» новые корабли «Сигмы». Кажется, еще недавно он пил русскую водку и так почитаемый им виски с пилотами «Безупречно-го». За успех... Джону трудно было поверить, что их больше нет. Где-то в глубине души, до последнего мига, жила надежда: это – сон. Чудовищная, нелепая ошибка. Сейчас все будет по-другому. Он проснется – и ребята, один за другим, сойдут по трапу корабля, приветствуя собравшихся. Вместо этого – ящики...

Именно потому Хеллард постарался избежать встречи со страшным грузом. Но ни от себя, ни от прессы скрыться невозможно. Он не выдержал, в какой-то момент включил стереовизор на прием, отыскал репортаж. Один из операторов сумел пролезть внутрь крейсера. Добрался до рубки, туда, где остался лишь след на палубе – от командира, Джея Роника. Вид кровавого пятна добил Джона, надолго лишил покоя. Помаявшись немного, Хеллард бросил всю текущую работу и напился до скотского состояния, лишь бы только не видеть *это* перед глазами. В какой-то миг сознание пропало окончательно, страшная картина исчезла...

А потом, во сне, к нему пришел голос.

«Да!» – подумал Джон. Голос, несомненно, был связан с «Безупречным». Что произнес этот голос? «Он был первым...» Но первым был не Джей Роник, командир корабля умер последним, как стало известно из бортового журнала. Первым был Мел Симпсон.

«Боже, какой экипаж!» – в который раз подумал аналитик. Все пятеро являлись профессионалами высшего класса. В полет Энди Хортон, глава корпорации, отправил лучшую тест-команду. Бизнес-планы «Сигмы» были тесно связаны с успехом «Безупречного», звездолета нового поколения...

Сколько денег вбито в эту разработку! С тех пор, как совет директоров корпорации объявил проект «Безупречный» приоритетным направлением, им всем дозарезу нужен был контракт на новые корабли. Контракт с правительством Объединенной Европы, который позволил бы – наконец, впервые за последние пять лет – вздохнуть спокойно. Бездна энергии и сил потрачена Энди Хортоном на создание нового крейсера, немалые надежды возлагала на него Земля. Для создания чудо-машины «Сигма» набрала кредиты международных банков. Примерно семь месяцев назад, с большой рекламной шумихой, звездолет ушел к Эпсилону. И вот – пять тел. В «холодильнике».

Джон хорошо помнил ажиотаж того времени. Не только ведущим инженерам корпорации, даже ему, эксперту-аналитику, приходилось давать многочисленные интервью. Раз за разом произнося одни и те же речи, временами тупея от

повторяющихся без конца вопросов. Утешало одно – рядом точно так же тужился и размахивал руками не кто-нибудь, а сам Энди Хортон, основатель корпорации «Измерение „Сигма“».

И вот, накануне, репортеры вновь ловили объективами видеокамер звездолет... Корабль, в котором нервные волокна проводов, датчики, сигналы – все сплетено в тугой узел, подвластный центральному компьютеру. Крейсер, способный путешествовать в дальнем пространстве, устранять небольшие поломки, регенерировать и поддерживать среду, комфортную для экипажа. Корабль, готовый быть надежным помощником, мощным инструментом человека в исследовании космоса.

Несколько дней назад корабль вынырнул из небытия, в которое погрузился шесть месяцами ранее, после, казалось бы, вполне успешного первого этапа испытаний. Нормальный ход проекта прервался в тот момент, когда экипаж запустил двигатели основной силовой группы, попытавшись разогнать судно до максимально возможной скорости. Время на борту потекло по-другому, связь с «Безупречным» исчезла на полгода. Потом крейсер вновь появился в радиоэфире. Первоначальная радость от того, что корабль найден, мгновенно сменилась трауром не только для Европы, для всей Земли. «Безупречный» вез домой страшный груз. Даже не тела. То, что от них осталось...

Накануне, когда исполинский крейсер мягко опустился

в расчетной точке, Джон Хеллард мысленно попрощался с людьми, которых хорошо знал – командиром корабля Джейм Роником, заместителем командира и штурманом Мелом Симпсоном, инженером электромеханической части Ринато Гаудино, инженером связи и бортовых вычислительных систем Игорем Поляковым, доктором Лео Шмейхером. Пять человек. Лучший тест-экипаж корпорации, неоднократно поднимавший в звездную высь новые корабли, разработанные и изготовленные на заводах мегаконцерна...

Хеллард остановился у окна. Утро. Раннее утро, светлое и чистое. Природе нет дела до того, что в несколько семей пришло горе. Ничего не изменилось в мире, ничего. Все так же просыпается Солнце. Птицы радуются новому дню. Все так же тянутся листья навстречу теплему светилу. Но несколько крепких, сильных мужчин, еще недавно покинувших Землю, никогда уже не пробегут по траве, не поиграют в пятнашки со своими детьми...

«Что-то я рассопливился, – Хеллард заложил руки в карманы. – Старею, что ли? Будто первый раз трупы на борту звездолета. Будто я наивный мальчишка, который не знает: временами испытания заканчиваются именно так».

Эксперт глянул на бутылку виски, поморщился. «Нет, пить больше не следует!» Хеллард вновь подошел к фотографии корабля, принялся внимательно разглядывать ее. Что же произошло? Как погибли люди? Когда и почему? Ответы были записаны в бортовом журнале. Однако, электрон-

ная копия не давала ответов на главный вопрос: как получилось, что чудо-крейсер, совершеннейшее изделие человеческих рук, не смог уберечь хрупкий груз от беды?

Показалось, будто в голове щелкнул большой выключатель. Ррраз! Еще секунду назад человек находился в состоянии блаженного небытия, отрешившись от проблем и забот. А спустя миг все изменилось. Теперь ныл затылок, под веками блуждали ярко вспыхивавшие шары. Иногда они взрывались многочисленными огненными точками, тогда лицо пострадавшего болезненно кривилось.

Человек не помнил, что с ним произошло и где он находится. Он попробовал «выцепить» из памяти хоть что-нибудь, но из этого ничего не получилось.

– Странная штука, – донеслось до ушей тихое бормотание. – Смотри, Лайонс, с виду – нечто вроде часов. Но внутри – мощная батарея, выдвижная антенна в корпусе. Микрофон.

– Выходит, не часы, а миниатюрная радиостанция, – ответил другой голос.

– Ага, из разряда шпионских...

«О ком это они?» – подумал человек. И вдруг ослепительная молния прострелила мозг! Он вспомнил! «Часы» были на его руке! Да! Ночью. Ночью?

– Нет, спецслужбы такой ерундой не пользуются, – усмехнулся кто-то невидимый, кого называли «Лайонс». – Это без-

делушка. Из разряда тех, что любой желающий может купить на черном рынке. Дешевая ерундовина. Спец взял бы другую, профессиональную модель.

– Так что, выходит, он не из спецслужб?

Говорившие замолчали. Человек, напряженно вслушивавшийся в их бормотание, почувствовал: они посмотрели в его сторону.

Потом до ушей вновь донеслось тихое непонятное бормотание. Он попробовал пошевелить головой, черепная коробка отозвалась новым, безумным приступом боли. Это словно передало мышцам импульс. Человек открыл глаза. Двое незнакомцев стояли поодаль, у стола, на котором были разложены какие-то предметы.

– По документам: вроде как журналист. Дарюс Мажейка. Репортер издания «Скай-Фи Глоуб». Ага, – задумчиво протянул один. – И тут два варианта. Либо он действительно журналист, но тогда непонятно: зачем полез на «Безупречный» с удостоверением в кармане? Чтобы «Скай-Фи Глоуб» поимела скандал? Другой вариант – он совсем не журналист, и тогда документы были нужны в качестве «отмазки». На случай непредвиденной ситуации...

«Дарюс Мажейка!» И вновь показалось, будто в голове щелкнул переключатель! Теперь человек вспомнил: называли его имя. Да! Он, Дарюс Мажейка, репортер «Скай-Фи Глоуб», пытался проникнуть на борт крейсера «Безупречный»! Корабля, спрятанного корпорацией «Сигма» на запас-

ном летном поле, вдали от любопытных глаз. Потом, что было потом?

– Проверять будем?

– Сейчас около шести утра. Предлагаешь звонить в этот гребаный «Скай-Фи Глоуб» и спрашивать: работает ли у них Дарюс Мажейка? Интересно, кто ответит в такое время?

– Да, ты прав. И вообще, может, работает человек с таким именем, да перед нами находится совсем другой. Документы липовые. Надо разобраться с проблемой самим, по-тихому. Не хватало еще, чтоб журналисты из «Скай-Фи Глоуб» вцепились в нас. Мало шумихи?

– Вот именно! Проверять нужно по имеющимся каналам. Через базу данных полиции, через аккредитационные списки. Может, все совпадет. Но на это необходимо время. А босс ждет ответа, не забудь.

Дарюсу стало как-то не по себе от интонаций говорившего. Он попробовал пошевелиться, и только тогда мозг «включился» до конца, в него стали поступать импульсы от всех рецепторов. Человек понял: организм давно наполнен тревогой, кричит об опасности...

Репортер находился в кресле, руки были крепко привязаны к подлокотникам. *«Что за ерунда? И ногами тоже не пошевелиться. Что за странное кресло?!»* Зрачки расширились от ужаса, когда Мажейка увидел толстые пучки проводов, сбегавшие в сторону, к черному аппарату. Незвестная штучковина была небольшой. Коробка не издавала никаких

звучков, но Дарюс почувствовал: от нее веет смертью. Пленник заерзал в кресле и ощутил металл – стальную пластину, плотно приникшую к коже, прямо под локтем.

Рывок в сторону. Напрасный труд... Сердце затрепетало в груди. Глотка вмиг стала сухой и шершавой.

«И к ногам тоже подведены электроды!»

– Очнулся, – один из людей, стоявших у стола, заметил движения пленника. Быстро подошел поближе, зажег несколько ламп. Резкий свет ослепил Мажейку. – Мистер Торелли, будете допрашивать лично?

Второй человек, не спеша, приблизился к креслу, внимательно наблюдая за тем, как меняется лицо пленника.

– Итак, – холодно произнес он. – Мы готовы вас выслушать.

– Что... Что вы... хотите... делать?! – Дарюс не узнал своего голоса, сухие, потрескавшиеся губы шевелились с трудом.

Мажейка не мог думать ни о чем, кроме электродов, подведенных к телу. На какое-то время он утратил способность логически мыслить и связно говорить.

– Разумеется, хотим узнать: что вам понадобилось на корабле. Помните? Крейсер. «Безупречный». Только не говорите, что вы случайно проходили мимо.

– Я ни в чем не виноват! Немедленно отпустите! Безумцы! Что же вы делаете, а?!

Лайонс Торелли обернулся к спутнику, кивнул, давая

знак. Черный аппарат ожил. Спустя миг тихое жужжание превратилось в мощное басовитое гудение.

– Оставьте меня! – закричал пленник, пытаясь высвободить руки. Потом начал яростно дергать ногами. Все было тщетно. Тогда он повалился обратно, обливаясь потом. – Оставьте меня! Вы сошли с ума! Я журналист! У меня в кармане удостоверение!

– Удостоверение лежит вон там, на столе, – равнодушно сообщил Лайонс Торелли. – Мы его видели. Как и странные «часы», точнее, радиостанцию. Видимо, тоже из обычного набора рядового журналиста?

– Я репортер «Скай-Фи Глоуб»!

– Мы хотим узнать правду. Что вам понадобилось на борту крейсера «Безупречный»?

– Позвоните в редакцию! Я могу хранить молчание и требую нормального отношения! Да, я нарушил некоторые правила, но вы не имеете права так обращаться со мной! Черт! Черт! Это что же творится?! Да я про вас такое напишу! Варвары!

– Начали! – скомандовал Торелли, отходя чуть в сторону.

Между кабинетом президента «Сигмы» и конференц-залом, куда намеревался попасть Самуэль Лючидо, располагалась приемная. Обычно в рабочее время там находилась личная секретарша Хортона. Сейчас и приемная, и кабинет босса были заперты. Самуэль быстро огляделся по сторонам.

Аккуратно пересек пустой холл, провел картой-идентификатором по электронному замку. Голоса уборщиц слышались где-то за поворотом длинного коридора. Лючидо показалось: женщины движутся в его сторону.

Член совета директоров успел заскочить в темный зал раньше, чем кто-либо обнаружил его возле входа. Сердце стучало очень громко. Прошло несколько минут, прежде чем Лючидо смог немного отдышаться и успокоиться. Часть задуманного плана он выполнил: удалось незаметно пробраться в режимное помещение. Оставалось вскрыть базу данных, скачать ее на флэш-драйв, а затем... Впрочем, лучше не думать о «затем».

Быстрыми шагами Самуэль пересек комнату. Уселся к компьютеру, вывел машину из «спящего» режима. На то, чтобы задать пароль для входа в приватную сеть, ему потребовалось несколько секунд. Сердце стучало все сильнее и сильнее. Лючидо взмок, но боялся вытирать лицо руками – на подушечки пальцев были наклеены специальные изоляторы. Для того чтобы по отпечаткам не удалось определить человека, последним касавшегося клавиш.

«Пароль неверен», – выдала система, и Самуэль чуть не потерял сознание от страха.

– Как неверен?! – вслух прошептал он. – Вы что, с ума сошли? Я точно знаю, как войти...

Его пальцы еще раз нервно пробежали по клавиатуре, отправляя запрос на идентификацию.

И вдруг серая тень мелькнула за окном комнаты – кто-то двигался снаружи, но задернутые шторы не давали возможности рассмотреть человека. Важно было другое: чужак шел по балкону, и спустя несколько мгновений оказался бы напротив компьютера, за которым находился Самуэль! Быстро погасив экран, Лючидо соскользнул под стол, проклиная себя за то, что выбрал именно второй вариант решения. «Может, в самом деле, надо было все продать к черту? Уехать на какой-нибудь остров в Тихом океане?! – пришла мысль. – На кой хрен мне такие приключения...»

Стояла тишина. Никто не вламывался в конференц-зал со стороны балкона, никто не требовал немедленно вылезти из-под стола с поднятыми вверх руками. Лючидо осторожно приподнялся, пытаясь одним глазом посмотреть: что происходит за пределами помещения, в которое он забрался.

Энди Хортон! На балконе стоял не кто иной, как президент «Сигмы» Энди Хортон. Его нетрудно было узнать даже со спины: плотная фигура, мощная шея, короткие – «ежиком» – седые волосы. Лючидо вновь присел на корточки. Обхватил голову руками, стал раскачиваться из стороны в сторону. Он вспомнил: три офисных помещения имеют общий балкон. Это означало, что президент корпорации мог запросто выйти из рабочего кабинета и прогуляться – как вдоль приемной, так и вдоль конференц-зала. В котором на полу сидел и трясся от страха один из его ближайших соратников.

«Но почему он так рано на рабочем месте?!» – возде-

вая руки к потолку, спросил Лючидо. И тут же опомнился, «уполз» под стол.

Вопрос не имел смысла. Хортон находился здесь, всего в нескольких метрах от Самуэля. Это означало: надо как можно быстрее убираться прочь из кабинета. Смириться с поражением оказалось невероятно трудно. Лючидо ткнул кнопку монитора, рискуя привлечь внимание президента «Сигмы». На экране горела все та же надпись: пароль доступа неверен. Лючидо убрал старый код, медленно, аккуратно ввел шифр. Отправил... «Пароль доступа неверен».

Злобно ругнувшись, Самуэль отменил команду, вновь потушил монитор и скользнул к двери. Надо было выбираться наружу, бросив все к черту. То ли он трижды ошибся, набирая код доступа, то ли пароль сменили. Если сменили – можно ожидать тревоги в любую секунду. Следовало уносить ноги.

Приложив ухо к двери, Самуэль убедился, что в коридоре царит тишина. Решившись, он быстро выбрался из комнаты. Аккуратно, бесшумно прикрыл дверь, со всех ног бросился к боковой лестнице, по которой намеревался выйти обратно на улицу.

«Не мой день, нет, не мой день!» – с отчаянием подумал он, выскальзывая из офисного здания. До истечения срока ультиматума оставалось чуть более суток. Самуэль Лючидо пробирался через парк, обратно к стоянке. Член совета директоров «Сигмы» чувствовал себя больным и разбитым.

После всего, что произошло, работать он не мог.

Джон Хеллард знал: теперь, после «благополучной» посадки крейсера, непременно будет создана группа визуального контроля и анализа, задачей которой станет обследование корабля. Затем материалы приложат ко всем записям, скачанным из электронной памяти звездолета. Тем, что получены еще в период движения судна к Земле.

И, конечно, максимально полную базу по экспериментальному крейсеру соберут для того, чтобы передать аналитикам, в чьи обязанности входит поиск ответов на неприятные вопросы. Хеллард с вероятностью в девяносто пять процентов угадывал, кому придется обрабатывать полученную информацию.

Он вздохнул, открыл окно. Утренний воздух бодрящей струей ворвался в комнату, принес прохладу. Ночью Джон не поехал домой, остался в резервном гостиничном номере, неподалеку от рабочих зданий и летного поля «Сигмы». Этой ночью (или под утро?) Хеллард принял единственно возможное решение – сейчас он не имеет права бросить дела и уехать в отпуск. Не сможет оставить все, даже несмотря на накопившуюся за год усталость, временами сдающие нервы и приступы головной боли, с которыми плохо справлялись самые эффективные препараты...

Из окна номера открывался вид на тянувшийся впереди, за деревьями, космодром. «Пять минут лета на флайере, –

подумал Джон. – И „Безупречный“ перед тобой». Вдалеке, почти у сливавшегося с небом бескрайнего поля, торчала вверх узкая темная игла. Эксперт-аналитик долго и пристально смотрел на черный «нос» крейсера. Джон не торопился. Предстояла сложная партия, в которой неправильно было бы спешить. Эту игру Хеллард обязательно должен сыграть. Должен! Ради ребят, что остались там.

Джон знал: точно так же смотрит на крейсер Энди Хортон. Скорее всего, старик не спал всю ночь. За последние дни он сильно сдал. Может быть, эти ночь и утро – самые трудные в его жизни. А может, те, когда «Безупречный» вынырнул из небытия?

Вон сейчас Энди смотрит на почерневшую от гари иглу... Сверхдорогую игрушку «Сигмы». Смотрит... Принимает нелегкое решение. Если только нет ошибки. Нет, не может быть ошибки, он выбирает из списка абонентов фамилию... Теперь, чуть выпятив квадратный подбородок, ждет ответного сигнала. Нетерпеливо кромсает зубами кончик сигары...

Трель служебного фона! Аналитик грустно усмехнулся, помедлил немного, слушая мелодичные позывные спецсвязи. Потом активировал соединение.

– Джонни! – раздался в динамике хорошо знакомый голос Хортон.

– Доброе утро, босс! – ответил Хеллард, уже окончательно прощаясь с мыслями о скором отпуске, о теплом солнечном

береге моря. – Если оно, конечно, доброе.

– Привет, Джон! Джонни...

– Да, босс?

– Слушай, перестань, а? Что ты заладил сегодня с утра: «босс», «босс»? Сколько лет общаемся на «ты»?

– Не помню, босс... Года три? Или больше? Прости, Энди, я крепко перебрал вчера... Сегодня... ночью... – Хеллард потер лоб.

– Ты ведь все понимаешь, правда?

– Конечно, Энди!

– Возьмешься? – президент «Сигмы» решил не тратить времени попусту на «ритуальные танцы» вокруг главной темы.

«Вот оно, предложение, от которого невозможно отказаться».

– А кто же еще, босс... Энди! Разве у нас переизбыток аналитиков высокого уровня? Мне казалось – наоборот – необходимо увеличить штат.

– Ну, опять ты за свое, – голос президента корпорации чуть потеплел.

Только сейчас Хеллард почувствовал, какое внутреннее напряжение сковывало Хортонa. (Нет, он не грыз нетерпеливо кончик сигары. Джон мысленно исправил нарисованную картину. Энди давно уже комкал сигару в потной руке. Крошки табака – на рукавах дорогого костюма. Или помятой рубашки, вчерашней рубашки?)

– Джон?

– Да?

– Я все понимаю. Отпуск, планы, нервы. Все понимаю. Но ты же знаешь, как нам важен этот корабль, правда?

«Нам и в самом деле важен этот корабль, босс. Иначе останемся с голой задницей. Вернее, с кредитами, за которые нечем рассчитаться...»

– Нет проблем, Энди. Мы действительно должны разобратся, что там произошло.

– Спасибо, Джон! Я всегда знал, на тебя можно рассчитывать в трудную минуту, – и аппарат мелодично проиграл сигнал окончания разговора.

Эксперт-аналитик Джон Хеллард, только что лишивший себя положенного отпуска, аккуратно подтвердил отбой. Положил коммуникатор на столик и вновь подошел к окну. Шпиль «Безупречного» все так же маячил на горизонте.

Нельзя лишать себя чашки горячего кофе после такой ночи! Кофе – то, что вливает аромат жизни в разбитое тело. А потом можно и в офис...

Здравствуй, новая проблема!

Бревно, лежавшее поперек дороги, невозможно было объехать. Мальчик понял это слишком поздно, когда маленький серебристый велосипед, с широкими дутыми шинами, уже нельзя было остановить. Дети отличаются от взрослых тем, что не умеют анализировать будущее, просчитывать его.

Несколько секунд назад красивая машина, подпрыгивая на небольших неровностях дороги, летела с горки вниз.

Смельчак не впервые забирался на эту возвышенность, чтобы потом – набрав скорость, со «свистом» – лететь по серой асфальтовой ленте. Так, что встречный ветер выжимает слезы из глаз... Мальчик слишком поздно увидел бревно, кем-то беспечно оставленное внизу. Там, где асфальтовая лента плавно изгибалась, переходя в ровное полотно.

Серебристый велосипед, летевший навстречу преграде, не слушался руля. Мальчик пытался затормозить, но инерция движения оказалась слишком велика. Удар! Он не понял, не успел осознать, как переднее колесо встретилось с преградой. Как, нелепо взмахнув руками, полетел вперед, через руль. Следом за ним грохнулся на асфальтовое полотно велосипед...

Боль. Недавно она находилась где-то рядом. Шла своей тропкой, не исключено, всего в одном шаге от мальчика, но рядом. Это было несколько мгновений назад. А затем тропинки пересеклись. В первое мгновение мальчик ничего не смог понять, осмыслить. Казалось бы, худшее позади. Он перелетел через руль, проехал всем телом по дороге, но остался жив.

Боль. Мальчик не знал: самое страшное только начиналось. Это потом – когда он вырос и научился предугадывать будущее, просчитывая шаги; научился смотреть назад, анализировать прошлое – то задумался: как странно устроен

мир. Только что они с болью и страхом бежали куда-то параллельными тропками. И вот ребенку поставили «подножку». Страх, пересекшись с мальчиком в пути – на какой-то миг, короткий, – отправился дальше своей дорогой. А боль осталась. На долгие дни и ночи.

Ее невозможно было унять. Ничем. Тогда, много лет назад, Дарюс был маленьким и мог плакать. Ему казалось, что он вырос и плакать разучился.

Мажейка, привязанный к креслу, с трудом открыл глаза. Перед затуманенным взором крутились спицы велосипедного колеса...

– Обоссался, – голос, прорывая серую пелену тумана, ворвался в сознание откуда-то сверху.

Или сбоку? Человек в кресле не смог этого понять. И даже не удивился.

– Но молчит, – ответил другой голос, от которого все жалось внутри. Этот, второй, задавал слишком много вопросов, на которые не было ответов. Точнее, ответы существовали, но они почему-то не устраивали того, кто спрашивал. А потому, все начиналось заново.

Теперь, когда Дарюс Мажейка, привязанный к креслу, сорвал голос от крика, гудение аппарата снова превратилось в тихое жужжание. Но это не принесло облегчения пленнику. Совсем как тогда, много лет назад. Потому что страх, навесив тебя, уходит дальше по своей дороге. А боль остается. Остается надолго. Вот как сейчас.

Но до тех пор, пока аппарат тихо жужжит, не пытаюсь разорвать тело электрическими разрядами, остается надежда: пленника услышат. Удастся объяснить мучителям – они ошиблись. Страшно ошиблись. Он жив, и надо попробовать убедить их. Пока еще есть время.

– Лайонс, может, он и в самом деле репортер?

– Думаешь, надо известить босса?

Желтый свет на лице. Тяжелый, как маслянистая пена...

– Я... репортер... – с трудом раздирая запекшиеся от крови губы, прохрипел Мажейка.

Ему стало очень страшно. Что, если не услышат? Ведь сейчас, именно сейчас, пока возникли сомнения, он должен объяснить... Иначе будет поздно, все начнется еще раз. Он не сможет вынести.

– Я репортер... Клянусь... Мажейка... Позвоните... Дарюс Мажейка... Редакция... «Скай-Фи Глоуб»... Пожалуйста.

Он хотел собрать последние силы, добавить еще что-то важное, но тут сердце, долго метавшееся в груди, сломало ребра. Рванулось на свободу, ослепляя болью.

– Ххх-шшш, – сорвалось с губ пленника.

Тело повисло на ремнях.

Из боржурнала экспедиции «Звезда на ладони»,
крейсер «Безупречный».

Запись сделана командиром корабля Джейм Роником 28 января 2038 года.

Сегодня похоронили Мела Симпсона. Нет! Что я пишу? Упрятали тело в «холодильник». Прошу прощения у корпорации «Измерение „Сигма“ за эту запись в журнале, сделанную не по стандартной форме. Мы летали с Мелом более десяти лет. Десять лет... Много это или мало? Часто говорят: год в космосе идет за несколько лет обычной, земной жизни. Нет! Это не так! Каждый наш полет был отдельной человеческой жизнью. Каждый раз мы словно умирали и рождались вновь, ибо не знали: какие сюрпризы приготовил нам новый корабль? Вернемся ли обратно? Если прилетим – все ли? Мы возвращались – он, я и корабль. Пятнадцать полетов. Мы прожили вместе пятнадцать разных жизней. Сегодня упаковал тело Симпсона в контейнер с инертным газом. Какая досадная и нелепая ошибка, Мел! Прощай. Спокойных звезд...

Техническая информация,
скачанная из памяти корабельного мозга.
Данные верифицированы и обработаны
экспертно-криминалистической группой
под руководством Даниэля Викорски.

Дата: 28 января 2038 года.

Тема: Штурман Мел Симпсон, смерть.

Содержание: Смерть наступила в 11 часов 52 минуты по среднеземному времени. В 9 часов 37 минут от главного корабельного мозга поступил сигнал о неисправности в цепи поворота зеркала радиолокатора. После нескольких тестов Мел Симпсон принял решение выйти за борт корабля. Умер в результате поражения электрическим током.

Результаты обработки группы Д. Викорски: Неисправность не несла в себе прямой угрозы жизнедеятельности и базовым функциям корабля. Нестабильно работающий радиолокатор правого борта лишал экипаж возможности производить систематические наблюдения за звездной картой по маршруту движения судна. Больше всего от неисправности пострадал Мел Симпсон (как штурман, он постоянно работал с радиолокаторами).

Характер повреждений не был установлен корабельным анализатором. По крайней мере, внятного объяснения – что произошло – электронный мозг Симпсону не дал. Автоматическое тестирование не проясняло причин неполадки. Цепь была исправна, тест-сигнал проходил нормально. Импульсные последовательности соответствовали эталонным. Однако, поворотное «зеркало» не фиксировалось в нужном направлении.

Штурман, получив разрешение командира корабля на проведение ремонтных работ за бортом крейсера, вышел в открытый космос. Приступил к ручному сканированию це-

пей прохождения сигнала. Потом – разряд, большая сила тока. Импульс пробил защиту скафандра. Вторичный анализ записей электронного мозга показывает: по неустановленной причине Мел Симпсон не отключил развертку высокого напряжения на локатор. В какой-то момент линия замкнулась на корпус звездолета через тело человека. Вероятно, это произошло тогда, когда штурман, проверяя антенну, случайно коснулся ногой одной из передающих цепей. Предположительно, смерть была мгновенной.

Джон Хеллард отодвинул распечатку в сторону. Тяжело поднялся из-за стола. Достал с полки маленький бокал, плеснул в него виски. «Прощай, Мел!» Залпом выпил и застыл в кресле, погрузившись в раздумья.

Мел Симпсон был одним из самых опытных бэк-пилотов корпорации. Хелларду даже не требовалось открывать файл с личным делом заместителя командира «Безупречного», он помнил главное наизусть:

«Возраст сорок семь лет. Женат. Двое детей. Опыт полетов – восемнадцать лет, из них более десяти в „Сигме“. С Джеем Роником – пятнадцать „тест-драйвов“ в должности второго пилота и штурмана».

Колоссальный опыт, аналитические способности, отличные нервы, умение находить выход из любой кризисной ситуации. И – детская ошибка, менее чем за три года до пенсии: неотключенное высокое напряжение в цепи развертки...

Что есть человеческая жизнь? Череда случайностей, нелепых совпадений. Каждое из них способно вынести на гребень, на вершину славы, или, наоборот, безжалостно захлестнуть пловца волной. Скрутить, утянуть на дно, лишив всех надежд. Какова должна быть степень неvezучести экипажа, каково совпадение, чтобы пять нелепых случайностей похоронили пятерых людей?

Фотографии, распечатки, диаграммы, заключения медэкспертов... Чашка кофе.

– Мистер Хортон, – приятный голос секретарши оторвал от раздумий.

Глава и основатель «Сигмы», Энди Хортон, стоял у окна, размышляя: не слишком ли много проблем обрушилось на корпорацию в последнее время? Может быть, у него, президента, ослабла хватка? Не пора ли передавать бразды правления более молодым?

«Всему свое время, – повторил президент „Сигмы“, в который уже раз. – Узнать бы, кто или что стоит за последними событиями... Тогда, без суеты, и о преемнике подумать можно...»

– Мистер Хортон! – голос секретарши отвлек от невеселых мыслей. – Вызывает город, защищенный канал связи.

– Кто там? – недовольно пробурчал Хортон, возвращаясь к столу, в кресло.

– На линии директор издательского дома «Скай-Фи

Пресс» Винцент Мажейка.

Энди вздрогнул, на миг прикрыл веки, готовясь к разговору. Трубка легла в ладонь.

– Алло!

– Добрый день, мистер Хортон! – зазвучал в ухе взволнованный голос. – Я хотел встретиться с вами лично, но не смог получить аудиенцию. Поэтому вынужден общаться по телефону. Сразу к делу: сегодня ночью мой племянник, Дарюс Мажейка, пытался проникнуть на «Безупречный». Только не говорите, что вы ничего об этом не слышали! У Дарюса был специальный передатчик, понимаете? Мы получили кодовый сигнал подтверждения – племянник добрался до корабля, находился у трапа. Это точно! Но с тех пор о нем нет никаких вестей.

– Зачем? – медленно спросил Энди.

– Что «зачем»? – не понял Винцент Мажейка.

– Зачем ваш племянник хотел проникнуть на борт крейсера?

– Я буду играть с вами в открытую, мистер Хортон, – нервно засмеялся президент издательского дома. – Мы полагали: «Сигма» прячет на борту звездолета какую-то новую разработку, нечто особенное. Оружие. Может быть, киборга на основе стандартного робота DB-1. Что-то такое, что вышло из-под контроля и погубило всех! Дарюс – специальный корреспондент журнала «Скай-Фи Глоуб» – пытался проникнуть на борт судна, чтобы там, на месте, найти причину катастро-

фы...

– Зачем? – повторил Энди.

Пауза. Винцент Мажейка то ли не понял вопроса, то ли раздумывал, как ответить.

– Зачем? Дарюс Мажейка – технический эксперт? Он в штате корпорации «Измерение „Сигма“? Имеет доступ к секретным разработкам Объединенной Европы?

– Мистер Хортон, вы же не ребенок, – пробормотал глава издательского дома. – Если бы он там что-то нашел...

– «Скай-Фи Глоуб» заработал бы на сенсации огромные деньги, – усмехнулся Хортон.

Энди прекрасно понимал, что именно хотел добыть журналист на борту аварийного крейсера. Скандал. Разоблачение. Чудовищную шумиху, которая могла бы привести к росту популярности издания.

– Мистер Хортон! Вы немолодой, опытный человек. Сами знаете, как работают журналисты. Надеюсь, теперь, когда мы объяснились по данному вопросу, скажете, что с племянником?

– Он преступник, который находится в руках службы безопасности корпорации «Измерение „Сигма“.

Винцент Мажейка нервно засмеялся.

– Надеюсь, его не били? Мистер Хортон, я искренне верю, что подобные дикие методы – не в вашем арсенале. Дарюс сможет верну...

– Поздно.

– Что?! Что... – президент издательского дома захлебнулся воздухом.

– Мистер Мажейка. У вашего племянника был сердечный приступ.

– Он... жив...?! Я могу прилететь? Увидеть его?!

– Жив, – чуть помедлив, взвесив «за» и «против», Энди Хортон решил не скрывать правду от собеседника. – Жив. Наши врачи оказали ему необходимую помощь.

– Мистер Хортон!!! К черту репортаж! К черту скелеты в шкафу! Давайте забудем обо всем! Не было ничего! Я смогу увидеть Дарюса? Забрать его...

– Да, конечно. Прилетайте, – черная трубка легла на панель коммуникатора.

Помедлив немного, Энди Хортон поднял ее снова. На этот раз активируя фон, он набрал внутренний номер.

– Моррис! – коротко бросил он в трубку. – Как новый пациент? Все обойдется? Хорошо! Поаккуратнее с ним. Только журналистской вони нам сейчас не хватало.

Хеллард прошелся по комнате, разминая суставы. Долгое сидение в одной позе привело к тому, что затекшие спина и ноги сильно болели. Черт, а ведь дело движется к вечеру... Как быстро пролетели часы за чтением файлов и документов! Вот и подходит к концу первый день в этой неприятной роли – детектива, отыскивающего причины трагедии, разыгравшейся на корабле.

Джонни щелчком выбил из пачки сигарету. Толкнул оконную створку, облокотился на белый пластик, прикуривая. Собиралась гроза. Это чувствовалось по сгустившейся духоте, которая окутала тело, едва только Хеллард приоткрыл створку и поток воздуха хлынул в комнату с улицы. Где-то вдалеке, чуть ли не над конусом корабля, замелькали первые вспышки молний. Вот одна из них, повторяясь, несколько раз ударила вниз по проторенному руслу. Оставила изломанную угасающую линию на сетчатке глаз. Донесся глухой раскат грома.

И тогда, следом за рокотом, в голове эксперта-аналитика шевельнулись слова. Хеллард вспомнил *голос*.

«Он был первым... Так нужно. Так было нужно, потому что по-другому нельзя. Поначалу мне не хватало решимости сделать шаг. Он умер первым, его было так легко убить. Я не испытывал к нему привязанности...»

В горле пересохло. Хеллард почувствовал, как по спине побежали мурашки. Голос! Джонни точно где-то слышал его, совсем недавно! Где? Дважды... Ну да! Ночью... Во сне! Сегодня ночью, во сне, голос дважды повторил эту фразу.

Джон отшатнулся от окна. Ему вдруг почудилось: из надвигавшейся темноты кто-то внимательно наблюдает за ним. Грозовые тучи стремительно приближались, небо быстро чернело.

«Дурацкие нервы! Ни к черту! Совершенно разболтались за год. Еще немного таких „безупречных“ кораблей – и при-

дется искать другую работу, более спокойную». Хеллард залпом осушил бокал. Стало легче. Он вернулся в кресло, положил себе на колени папку с документами. Медленно поднес поближе к глазам первый из листов, всматриваясь...

Фотография. Ринато Гаудино. Инженер электромеханической части и бортовых систем. Совсем молодой парень, ему было чуть больше двадцати шести лет. Еще не имел детей, не женат, в отличие от Мела Симпсона. Может, это хорошо, что не женат? Не осталось безутешной вдовы... Джон долго и пристально смотрел в глаза Гаудино. Инженер электромеханической части улыбался.

«Какого черта тебя понесло в шлюзовой отсек, Ринато? Что ты в нем забыл? Корабль шел на околосветовой скорости, даже радиоволны не проходили к Земле. Никаких вылазок за борт не планировалось, за исключением ремонтных, экстренных. *Что тебе понадобилось в шлюзовом отсеке, Ринато?»*

Из бортжурнала экспедиции «Звезда на ладони»,
крейсер «Безупречный».

Запись сделана командиром корабля Джейм Роником 07 февраля 2038 года.

«Дурацкое наваждение! В моей жизни еще не было полета, в котором мы так быстро теряли чуть ли не половину эки-

пажа. Сегодня, 7 февраля, трагически погиб Ринато Гаудино. Смерть его выглядит еще более нелепой и неожиданной, чем случай с Мелом Симпсоном. Зачем Ринато полез в отсек шлюзования?

Я не могу ответить на вопрос. Не смогу найти причину и потом, на Земле, когда придется отвечать за все это дерьмо перед корпорацией. Вероятно, пора срывать шевроны. Отправляться работать дворником на космодроме... Но, разорви меня комета, не понимаю, зачем Ринато Гаудино, в свободное от вахты время, направился в шлюзовой отсек и попытался произвести декомпрессию...

Мы отскребли от стен и пола все, что от него осталось. Положили в «холодильник», рядом с Мелом. Прощай, Ринато! Спокойных звезд!

Техническая информация,
скачанная из памяти корабельного мозга.
Данные верифицированы и обработаны
экспертно-криминалистической группой
под руководством Даниэля Викорски.

Дата: 07 февраля 2038 года.

Тема: инженер электромеханической части Ринато Гаудино, смерть.

Содержание: смерть наступила в 23 часа 07 минут по среднеземному времени. Предпосылки: разгерметизация ка-

меры декомпрессии. Ринато Гаудино, по непонятным причинам, вручную разблокировал механизм шлюзования (примечание: в его каюте не обнаружено никаких предсмертных записок, объясняющих суть поступка).

Предварительно Гаудино вывел из строя контроль-датчик маховика ручной декомпрессии, с тем, чтобы автоматическая система корабля не могла заблокировать попытку человека умышленно причинить себе вред.

Вывод: кратковременное помешательство, причины непонятны.

Мнение группы визуального контроля: результаты обследования шлюзового отсека показывают – на рукоятках маховика присутствуют отпечатки пальцев лишь Ринато Гаудино. Характер отпечатков говорит о том, что в последние секунды жизни разум вернулся к Ринато. Он изо всех сил налегал на маховик, стремясь закрыть шлюз. Вероятно, инженеру не хватило времени – декомпрессия проходила слишком быстро. Гаудино не смог привести штурвал в исходное состояние, так как слабел с каждой секундой. Предполагается, что он потерял сознание, не сумев восстановить герметичность камеры перехода. Давление в отсеке стремительно уменьшалось, в результате внутренние органы инженера-электромеханика были разорваны на части.

Из служебной записки Джона Хелларда к Дэну Викорски, электронная почта, шифрование.

15 июля 2039 года, 18 часов 52 минуты.

Господин Викорски! (Дэн, старая ты обезьяна!)

Мне нужна полная – более общая – информация о том, что происходило на борту. Выводы буду делать сам. Ты предоставил не то, что требовалось. В настоящее время необходимо уточнить следующие моменты.

Первое. Правильно ли я понял, что Ринато Гаудино, прежде чем начинать ручную декомпрессию шлюза, вывел из строя предохранительный автомат (хм... и не следует ли из этого, что у него не было никакого помутнения рассудка – он четко понимал, что делает)?

Второе. По каким причинам автоматическая система слежения не сообщила на главный пульт о том, что Ринато повредил датчик контроля ручного маховика?

Третье. Почему сделан вывод, что в последние мгновения жизни Ринато Гаудино пытался *закрыть* шлюз?

Ответ Даниэля Викорски на вопросы Джона Хелларда, служебная переписка, электронная почта, шифрование, 19 часов 35 минут.

Дражайший мисс Марпл! (Он же господин Хеллард!)

Приношу извинения за наличие в отчетах экспертной группы вторичной, аналитической информации. Постараемся в дальнейшем представлять материал более низкого уров-

ня обработки (Джонни, пойми, вся информация идет «с колес», прямо с места событий – люди работают на корабле).

Твои вопросы.

Первое. Да, все правильно. Информация о состоянии выходных шлюзов постоянно мониторится и передается электронному мозгу. В том числе в канал сбрасываются показания контроль-датчиков систем ручного шлюзования. На Гаудино не было скафандра, поэтому, система охраны *несомненно* сработала бы, если б она функционировала исправно.

Второе. Автоматический анализатор не усмотрел нарушений, так как за пять минут до рассматриваемых событий Ринато Гаудино должным образом зарегистрировался в контрольной системе (ввел логин-пароль) и подал заявку на устранение мелких технических погрешностей в интерфейсе датчика. Его поведение полностью соответствовало штатным должностным инструкциям, которые заложены в электронном мозгу – контроль состояния датчиков является одной из функций инженера электромеханической части. Именно потому искусственный интеллект не увидел никакой угрозы в действиях человека, на время отключил канал наблюдения за этой цепью.

Однако, умышленно приведя датчик в состояние неисправности, Ринато Гаудино приступил к исполнению своего плана: принялся бесконтрольно вращать маховик шлюза, разблокируя выходную камеру звездолета.

Третье. Почему мы решили, что Ринато хотел закрыть шлюз? Нет, он *очень хотел*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.